

Владимир Григорьевич Чертков
Письмо к И. В. Сталину от 5 февраля 1930 г.

Date: 19 марта 2002

Изд: "Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах". Вып. 3. Новосибирск, Издательство Сибирского отделения РАН, 1997.

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

В первых двух выпусках нашего альманаха "Возвращение памяти" (Новосибирск, 1991, 1994) читатели могли познакомиться с материалами, рассказывающими о трагической участи крестьян-толстовцев в годы сталинской диктатуры.

Эту тему продолжает теперь новый документ из рассекреченных фондов Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ) -- письмо-ходатайство В. Г. Черткова, направленное Сталину в феврале 1930 года.

Владимир Григорьевич Чертков (1854-1936) был близким другом, доверенным лицом Льва Николаевича Толстого и издателем его произведений. После кончины великого писателя (1910 г.) он многие годы посвятил тому, чтобы творческое наследие Толстого получило широкое распространение в России и за рубежом. Ему принадлежала также важная роль в пропаганде этического учения Толстого.

Когда большевистская власть перешла к решительному слою жизненных основ российского крестьянства, последователи учения Толстого подверглись жестоким преследованиям. Власти громили не только их общины и коммуны. Еще раньше насилию подверглись люди, открыто отстаивавшие пацифистские убеждения и нравственные идеалы толстовства.

Публикуемый документ -- одно из свидетельств неоднократных попыток В. Г. Черткова защитить толстовцев -- узников совести -- от постоянных преследований государства или по крайней мере добиться для них смягчения тюремного режима. Документ состоит из двух частей: письма Владимира Григорьевича к Сталину и приложения, озаглавленного "Записка о заключенных..." Автор "Записки" нам неизвестен, но, несомненно, что это человек, близкий Черткову и хорошо информированный о положении последователей Льва Толстого, заключенных в Соловецкий лагерь. Чтобы Сталин мог отдавать себе отчет, что речь идет не о преступниках или противниках власти, а исключительно о мучениках за веру (хотя для Сталина это был в сущности пустой звук), "Записка" сопровождается кратким изложением тех религиозных мотивов, которыми толстовцы руководствовались в своих поступках и из-за чего постоянно подвергались тяжелым наказаниям со стороны лагерной администрации.

Остается однако неясным, какова была реакция Сталина (или его помощников) на данное обращение и какие последствия имело письмо для самих узников Соловецкого лагеря.

Документ публикуется без каких-либо поправок и сокращений.

Место его хранения -- ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 406, л. 71-78.

Предисловие С. А. Папкова

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович,

С риском показаться Вам докучливым, решаюсь обратить Ваше внимание на тяжелое положение группы так называемых "толстовцев", отбывающих наказание в Соловках. По возрасту моему (75 лет) и по состоянию моего здоровья я могу в любую минуту умереть (как, впрочем, и каждый, независимо от возраста), и до смерти я хотел бы высказать Вам по этому делу, как человек человеку, то, что у меня на душе, по тем сведениям, которые я получил.

Дело в следующем: 29 октября прошлого года в Москве одновременно были арестованы несколько молодых людей, так называемых "толстовцев", уже отсидевших разные сроки за отказы от военной службы по религиозным убеждениям: Иван Прокофьевич Баутин (мой личный секретарь), Борис Васильевич Песков, Иван Михайлович Сорокин и Юрий Иванович Неаполитанский. Всех их продержали до 1 декабря пр[ошлого] г[ода], после чего выслали в Соловки на 5 лет, вместе с Алексеем Ивановичем